

Александр Марлинский

**Полное собрание
сочинений**

**Том 3. Лейтенант Белозер.
Замок Нейгаузен. Письмо к
доктору Эрману**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Марлинский**
Полное собрание сочинений: Том 3. Лейтенант Белозер. Замок Нейгаузен.
Письмо к доктору Эрману / Александр Марлинский – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 259 с.

ISBN 978-5-518-08659-3

ISBN 978-5-518-08659-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДЕЙТЕЛАНТЪ ВЪЛОЗОРЪ.

Г Л А В А I.

Прощай, прекрасная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты качаешь волны голубыя
Съ исподражаемой красой!

А. Пушкинъ.

Въ то время, когда полчища Наполеоновы праздновали въ Москвѣ собственную тризну, Русскій флотъ, соединенный съ Великобританскимъ, блокировалъ, подъ командою Англійскаго адмирала, при Голландскихъ берегахъ, флотъ Французскій, запертый во Флессингенѣ. Въ самое бурное время года, въ открытомъ морѣ, на ужасной глубинѣ, лежалъ онъ на якоряхъ въ безпрестанной борьбѣ со стихіями, и каждый часъ готовясь на бой съ непріателемъ. За нимъ была пустыня океана, кругомъ подводныя скалы, впереди грозныя батареи; но онъ, словно крѣпость, воздвиг-

шався со дна, стоялъ неподвижно — и неслыханная дотоль блокада сія доказала свѣту, что Русскіе и Англичане умѣютъ торжествовать не только надъ гениемъ человѣка, но и надъ всѣми силами природы.

Въ октябрѣ мѣсяцъ бури были ужасны и продолжительны; кто терпѣлъ ихъ въ морѣ подѣ парусами, тогѣ можетъ судить, каковы онѣ для флота на якорной стоянкѣ, гдѣ каждый валъ, встрѣчая неподвижную громаду, поражаетъ ее всею силою и обрушивается на нее всею толщею своею. Корабль стонетъ и дрожитъ тогда, какъ прикованный великанъ, безсильный убѣжать отъ валовъ или всплыть на нихъ. Продолжительный, тяжкій скрипъ расходящихся членовъ, оглушающій ревъ всплесковъ, свистъ вѣтра въ блоки и шумъ ударяющихся снастей — наводитъ тѣску на сердце. Вездѣ вы видите угрюмыя лица — все какъ будто ждутъ чего-то роковаго, и только изрѣдка слышится голосъ вахтеннаго лейтенанта — словно голосъ духа, повелителя стихій . . . пронзительные свистки отвѣчаютъ на призывъ его: море бушуетъ.

Ураганъ, свирѣпствовавшій съ 16 на 17 число октября, сокрушилъ на берегахъ Англій и Голландій множество судовъ. Ночь эта была страшна для осаждающихъ: вся опытность мо-

ряковъ истощилась, чтобы устоять на якоряхъ, или, въ случаѣ обрыва — вступить подъ паруса для избѣжанія неминуемаго кораблекрушенія при берегахъ. Посреди мрака и воя вѣтра, повременно сверкали пушечные выстрѣлы, возвѣщая «бѣдствую!» Фальшфейеры искрились, какъ блудячіе огоньки надъ могилами — корабли ежеминутно были въ опасности свалиться.

Разсвѣтъ оказалъ всю бѣдственность ихъ положенія: линія была разстроена, корабли дрейфовали съ двухъ якорей; на многихъ переломаны были стеньги и реи; иные, сорванные со стоекъ, высучили канаты и подъ штормовыми парусами боролись вдали съ вихрями; почти у всѣхъ изорванные и спутанные снасти висѣли въ безпорядкѣ; отощавшіе накрестъ нижія реи придавали еще болѣе дикости виду ихъ; волненіе ходило горами: картина была ужасная!

На Русскомъ кораблѣ *Не тронь меня*, оказалась сильная течь; онъ замыкалъ линію слѣва, почти опираясь на каменную гряду подводныхъ камней, которая на полмили простиралась въ море, параллельно съ берегомъ. Прибой къ ней, производящій неправильное волненіе, называемое моряками *толгил*, всего болѣе раскачалъ связь уже неноваго корабля.

Поставили запасныя помпы, вооружили цѣпныя; матрозы работали неутомимо -- но гибель была недалеко: — вода лилась въ разходящіяся пазы, и какъ ни ровняли канаты, но то одинъ, то другой вытягивался въ струну, готовясь лопнуть — офицеры съ недоувѣрчивостію поглядывали на третій. Къ счастью, съ разсвѣтомъ шквалы затихли, и хотя вѣтеръ дулъ сильный, но волненіе и качка стали правильнѣе. Мало по малу все начало приходить въ порядокъ: выстроили линію, убрались съ поврежденіями. Веселость возвратилась къ усталымъ пловцамъ — лишняя чарка водки, и все забыто.

Въ четыре часа, то есть въ восемь стклянокъ, при смѣнѣ вахтъ — вступающій въ должность лейтенантъ, осмотрѣвъ всѣ работы, подошелъ къ капитану, ходившему по своей сторонѣ шканцевъ, для рапорта о состояніи корабля. — Г-нъ капитанъ, сказалъ онъ, приподнявъ свою круглую шляпу: — вахта принята благополучно, вѣтеръ сильный нордъ-нордъ-вестъ, глубина по лоту 78 сажень, канатовъ на битенгъ по 191 сажени, воды во львль...

— А что помпы — помпы, Николай Алексичъ? прервалъ его капитанъ, безпокоясь о течи.

— Всѣ исправны — мы ихъ держимъ на

храну, отвѣчалъ лейтенантъ. Не будетъ ли какихъ приказаній, капитанъ ?

— Покуда ни какихъ , Николай Алексѣичъ, кромѣ благодарности вамъ за то, что вчерась заранѣе успѣли спустить марсарек. Опоздай мы часомъ — навѣрно бы не удержались на якорѣ, да немудрено потерять бы и равгоуть, а безъ него плохая шутка: разомъ повиснешь на какойнибудь скалѣ устрицею , или пойдешь на дно хватать морскія звѣзды!

Лейтенантъ былъ настоящій морякъ, добраго , но суроваго лица , загорѣвшій отъ солнца всѣхъ климатовъ, и нѣсколько сутуловатый отъ привычки ходить подъ палубами. Шляпа его была надвинута на самыя уши; пестрый Шотландскій плащъ игралъ около тѣла; въ рукахъ держалъ онъ лакированный жестяной рупоръ (разговорную трубу). На слова капитана онъ улыбнулся съ довольнымъ видомъ. — Это игрушка, отвѣчалъ онъ: когда мы хозяйничали съ Сенявинымъ въ Адриатикѣ, такъ, бывало, и стеньги спускали въ четверть часа.

— Нынѣ это признано вреднымъ, Николай Алексѣичъ , возразилъ капитанъ , пускаясь опять ходить : снасти и ванты , спутанные на эдельгофѣ, представляютъ вѣтру большую площадь , нежели на выстрѣленной стеньгѣ.

— Хорошо , что здѣсь нѣтъ осенью тифо-

новъ , продолжалъ лейтенантъ , обращаясь къ лейтенанту Бѣлзору , у котораго снялъ онъ должность : а по неволѣ бы стали дѣлать все по нашему . Бывало , эти смерчи , какъ бѣсы передъ заутреней , вьются около носу ; но если страшно попасть къ нимъ въ передѣлъ — за то весело глядѣть , какъ они образуются и рушатся попеременно . Черное облако вдругъ какъ воронъ слетаетъ на море , свертывается воронкой , то вытягивается ниткою на вихрь , то бѣжитъ столбомъ , и между тѣмъ , когда волнѣ обвиваетъ его и море кипитъ словно котелъ — видно , какъ смерчь пьетъ воду .

— Плохой же онъ морякъ , Николай Алексѣичъ , отвѣчалъ , шутя , Бѣлзоръ , статный молодой человекъ , на которомъ изъ-подъ распахнутой шинели видѣнъ былъ аксельбантъ . На Русскомъ флотѣ адъютанты многихъ адмираловъ поступаютъ для кампаній въ флотскія должности по чинамъ — Бѣлзоръ былъ изъ числа ихъ . Я увѣренъ , что наши Балтійскіе тифоны , примолвилъ онъ : бываютъ опаснѣе для пуншевыхъ стакановъ , чѣмъ для заливовъ и проливовъ соленой воды .

— Конечно такъ , моя невская лхточка — ему бы слѣдовало поучиться у нашего брата , стараго моряка . Вода создана для рыбъ и раковъ , вино для женщинъ и дѣтей , мадера для

мужей и воиновъ — по ромъ и водка — для однихъ героевъ.

— Слѣдственно безсмертіе для меня закупорено навѣки — и не могу равнодушно глядѣть на бутылку съ ромомъ.

— И я то же, любезнѣйшій, и я то же — у меня сердце бьеть рынду, когда я завижу ее. Послужи съ мое да испытай столько же бурь — тогда увѣришься, что добрый стаканъ гроку лучше всѣхъ непромокаемыхъ шляпелей и всѣхъ противопростудныхъ лекарствъ; какъ цапнешь темную — два ума въ головѣ — на валы смотришь, какъ на стадо барашковъ — и стеньги хоть въ лучокъ гнутся — и горюшка нѣтъ!

— А какова была прошлая ночь? Если бѣ не темнота, и на твоемъ лицѣ, Николай Алексѣичъ, любовались бы мы милостивою блѣдностью.

— Чортъ вытравилъ мою душу, если мое лице не столь же мало сдѣлано для румянца, какъ и для блѣдности. Буря моя стихія. Подай намъ почаще такихъ ночей, по крайней мѣрѣ не заржавѣемъ; а то скука возьметъ, стоя на якорѣ до того, что онъ пуститъ корни; какъ пульсъ, ощупывать канаты, и сквозь сонъ покрикивать: заложить сей-тали, — не звать на стопорахъ! То ли дѣло штормъ?

Улу и рукавъ и горлу раздолье : вся природа пляшетъ тогда по дудкѣ твоей!

— Слуга покорный за ваше раздолье . . . Вчерась я промокъ до самой души, проголодался, какъ морская собака, и долженъ былъ холодець и голоденъ отправиться спать, потому, что нельзя было развести огня ни подь котломъ, ни въ каминѣ. Къ довершенію удовольствія, меня дважды выкинуло качкой изъ койки, на которую сквозь палубу, какъ въ рѣшето, лилась вода струями.

— Ахъ ты прятничная рыбка — любезный мой Викторъ Ильичъ! Тебѣ бы хотѣлось, небось, чтобы корабли плавали въ розовомъ маслѣ, вѣтеръ только цѣловалъ паруса, выкрененные изъ дамскихъ платьевъ, и лейтенанты танцовали бы только повахтенно съ красавицами!

— Безъ всякаго сомнѣнія, не отказался бы я погрѣть теперь сердечко подлѣ какойнибудь леди въ Флимутъ, или дремать въ тапшней Оперѣ, послѣ сытнаго обѣда, чѣмъ слушать медвѣжьей концертъ вѣтровъ и всякую минуту ждать отправления въ *безызвѣстную экспедицію*.

— По мнѣ, на берегу въ тысячу разъ больше всякихъ опасностей — того и гляди, что спроворятъ кошелекъ или сердце. Когда ты